

ЗВЕЗДА РОЖДЕСТВА

Василий Матвеевич наконец-то собрался в лес, за ёлкой. Надо было бы пораньше, да задержали неотложные дела – с утра пришлось расчищать от снега двор и тропу от дороги к дому, потом ещё воды натащил, прибрался в доме... Вот и припозднился. Впрочем, что для него каких-то полчаса ходьбы по родимому лесу. Только егерем он здесь сорок лет работает...

Он надел ватные штаны, валенки, бушлат, форменную, только без кокарды, ушанку с загнутыми на затылок «ушами». Топорик привычно-ловко сел на боку под старый армейский ремень с жёлтой бляхой. Он взял широкие лыжи, деревянные самодельные санки, вышел во двор. Снег под ногами взвизгивал. Красное солнце опускалось к острым макушкам елей.

Ёлку Василий Матвеевич уже который год ставит не к Новому году, а к Рождеству. Он всю жизнь помнил, как говорил ему его дед: «Неправильный новый год-то отмечают. Как так – до Рождества новый год?.. Неправильный...» Ещё знал, что его день рождения, 13 января, как раз на истинный Новый год и приходится. Ещё его называли – Васильев день. И его потому Василием называли – крестили ведь его бабушка с дедом...

Крестили-то его тайком, в какой-то избе – это ему рассказывали. А вот пять лет назад в селе,

где он родился и жил, пока после смерти жены на кордон не перебрался, открыли много лет стоявшую в запустенье церковь. И настоятель, отец Владимир, подтвердил, что да – церковное новолетие начинается через неделю после Рождества...

Дочь Василия Матвеевича, Ирина, живёт в городе. Там они: Ирина, её муж Игорь, сын Сергей и встречают Новый год («ненастоящий»), а потом приезжают на Рождество к нему на кордон. И здесь опять ёлка и праздник. Игорь обычно уезжает – у него такая работа, что надолго не оставишь, а Ирина и Серёжка остаются ещё на неделю, как раз до настоящего Нового года и дня рождения Василия Матвеевича... Самые это счастливые дни...

Сегодня, скоро уже, они приедут (от села до кордона три километра – грейдером прочищена дорога). Нарядят ёлочку, а к ночи все вместе вернутся в село, в церковь, славить Рождество Христово...

От дома к лесу – в горку, пологая луговина, Василий Матвеевич не спеша, но споро перешёл это белое пространство, под свежим снегом – твёрдый наст... На снегу отчётливо видны быстрые путанные следы зайца, лисья строчка, веерные отпечатки крыльев... По краю леса, кустами, недавно прошли лоси...

Когда-то, по молодости, был Василий Матвеевич охотником, как и многие здешние мужики, но уже много лет не охотится. Про спортивную охоту как-то сказал внуку: «В то время мы охотились, потому что еды не хватало. А нынче – зачем? Баловство это. Людям баловство, а зверям горе...»

Охраняет он и лес, деревья. И не только охраняет, но и сам занимается посадками – тысячи ёлочек и сосен посадил он за свою жизнь...

Идёт он по-охотничьи, без палок, санки за верёвочку за собой тянет. Карабин не взял – ни к чему сегодня.

Вот скоро уже и молодые посадки, где и разрешается ему подрубить раз в год ёлочку. За посадками строевой еловый лес, а там уже рядом и большая дорога – шоссе.

... Ошибиться было невозможно – там, за молодыми посадками, работали бензопилы, две или три. Вот качнулась макушка, и с треском повалилось дерево... Рубка явно браконьерская. Какая же ещё – это ведь он на своём участке отводит лес под рубку. На это нужны документы, разрешения... И время-то выбрали, когда вся страна отдыхает после «неправильного нового года».

Мобильный телефон у него всегда с собой, хоть и не везде связь устойчивая. Василий Матвеевич болезненно поморщился, наблюдая, как падает ещё одно дерево. Стянул зубами рукавицу, сунул руку за пазуху, вытащил телефон – нет связи. Но ближе к дороге, на горушке должен заработать телефон...

Он прикинул – лесовоз у них на отворотке от большака, валят прямо у дороги и сразу грузят, там

есть где и развернуться. Значит, нужно незаметно подойти к машине, посмотреть номера, позвонить в милицию и уж тогда вспугнуть этих лесорубов. Задержать он их не сможет один, но милиция перехватит. (Он всё не мог привыкнуть называть милицию полицией).

Приняв решение, Василий Матвеевич уверенно двинул к браконьерской машине. Санки не бросил, тянул за собой. Топорик передвинул за спину.

Но его увидели сразу, едва сунулся на дорогу. Один из них, шофёр, не рубил и не грузил, а именно за дорогой присматривал, сразу дал своим знак. Пилы заглохли.

Василий Матвеевич понял, что его увидели, не стал прятаться, лыжи скинул, воткнул в снег и вышел на дорогу.

Спрыгнул из кабины водитель, шли к дороге от леса ещё четверо...

- Кто старший? Документы попрошу! Егерь Савельев! - Василий Матвеевич выдернул из нагрудного кармана бушлата удостоверение.

- Ты чего тут делаешь, егерь, чего шумишь?.. - глаза льдистые, безжалостные в него упёрлись, а сбоку уже летел первый удар...

Василий Матвеевич закрывал голову, перекатывался, чтобы смягчить удары ногами... Успел увидеть и запомнил номер машины...

- Хватит, поехали!

Лесовоз, всего лишь с тремя хлыстами, рванул к большаку, оставив за собой запах гари... Василий Матвеевич, нащупал во внутреннем кармане телефон, на панели высветилась одна чёрточка – связь неустойчивая. Пока, сев в снег, набирал номер, связь пропала вовсе. Он, черпая рукавами снег, упёрся в наст, встал на чет-

вереньки и вылез на твёрдую дорогу, увидел на обочине свои санки, прихватил верёвочку, поднялся на ноги, увидел и выдернул из сугроба лыжи, но надевать их не стал, положил на санки, покачиваясь, пошёл на горушку, санки покатались за ним. Топор его был на месте, заправленный под армейский ремень, а вот одна из лыж соскользнула с санок, он не заметил этого ...

Поднялся на горку, набрал номер полиции, продиктовал номер лесовоза и ...

... Первым подбежал зайчишка, посмотрел на него и замахал лапой, подзывая остальных зверей.

- И зачем тебе ёлка? - спросил матёрый волк.

- Рождество ведь скоро. Великий праздник.

- А кто родился? - спросил лось.

- Бог родился, Иисус Христос. Когда Он родился, на небе зажглась звезда. И глядя на неё, восточные мудрецы точно пришли в город Вифлием и поднесли Ему дары. А Он в яслях лежал на скотном дворе...

Вот в честь той звезды и ставят люди в эту ночь на ёлку звезду, - закончил он.

... Впереди шёл, проламывая дорогу могучий лось, санки тянули, захватив верёвку в пасти, два матёрых волка, по бокам, как почётный эскорт, бежали пышнохвостые лисы, зайцы скакали и сзади, и с боков, и спереди, а белки прыгали с веки на ветку, стряхивая с еловых лап снег, и снежинки искрились в морозном воздухе. Василий Матвеевич сидел в санках, держа в руках пушистую красавицу-ёлку. И думал о зверях: «Какие молодцы! И никто никого не обижает!»

На краю леса лось встал, встали и волки, сгрудились у санок зайцы и лисы, спустились с деревьев белки... Там, под горой, желтело окно его дома. А над крышей, в небе светилась звезда Рождества.

Кто-то из зверей толкнул санки, и они покатались к дому, а на встречу уже бежала дочка, и зять, и внук Серёжка...

- Христос родился, славьте Его! - раздался голос отца Владимира. Или самого Василия Матвеевича. Или это шумел лес...

И наступило Рождество. И славили Рождество Бога люди и звери...

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

— **О**пять завыл... Точно, он, не ошибёшься... Но не может ведь этого быть... Не может, не может...

Лунный свет пробивается в неплотно задёрнутое окно, холодный, ночной, он леденит душу, как волчий вой. И силы нет встать и задёрнуть тряпичную занавеску...

А может, и не было никакого воя? От одиночества что угодно может почудиться... Нет, одиноче-

ства он не боится, он любит одиночество...

Изба родительская ещё крепка, печь натоплена жарко. Запас картошки, капусты и прочей овощи в подполье имеется. Даже телевизор у него есть. Но не хочется и смотреть-то. Чего он там не видел? Надоело... До весны будет один, в апреле соседи-дачники приедут. Да ещё Колька-скупщик на следующей неделе должен заехать, до

большака-то придётся к нему на лыжах идти...

Опять завыл. Нет, не почудилось – вон, сучка в конуре на улице заскулила.

- Ничего, небось, не сунется!..

Волохов всё же поднялся. Сунул ноги в растоптанные валенки, накинул фуфайку, шапку на голову приткнул, вышел на мост, соединяющий избу с двором и повестью (он не стал по примеру многих соседей разбирать двор на дрова), спустился на крыльцо... Морозом перехватило дых...

Тишина, какой никогда не бывает в городе – полная тишина. В чёрном небе холодная россыпь звёзд и луна, разливающая свет на ночной мир – на тёмные дома деревеньки, белую равнину луга, зарастающего уже кустами, близкий чёрно-белый лес...

- Чуя! - негромко позвал Волохов. Собака, брякнув цепью, лишь высунула из конуры нос.

Он пошёл к ней по скрипкому снегу.

- Чуя, ко мне! - собака метнулась под ноги, засучила хвостом.

Хорошая у него лайка, рабочая. Присел перед ней, взял руками голову, в глаза заглянул:

- Страшно тебе, страшно... - И собака заскулила, отвела глаза, поджала хвост.

- Ну, пошли, - отстегнул цепь, впустил в дом. В избу не взял (нечего собаке в людском жильё делать), на мосту оставил. Вынес ей похлёбку из белок. И собака, погромев миской, утихла за дверью.

Распяленные шкурки белок сохнут у печки, ещё ворох уже выделанных висит на стене, тут же и несколько куньих шкурок благородным серебром отливают...

Ночь Волохов промаялся, утром, сразу зарядив один ствол пулей, а второй дробью, пошёл в лес.

Лыжи хорошо по старой лыжне скользят. Чуя бежит рядом, не работает... И понятно почему – вон, ровной строчкой волчий след.

Волохов склонился над следом... Лапа ещё больше стала – сантиметров двенадцать в длину и девять в ширину. Это уже от старости, раньше-то он лапу в комке держал. Уже не матёрый, а дряхлый... «Нет, не может быть... Сорок лет. Сорок лет...»

Вот здесь он стоял, подняв морду, на луну выл. «Что же тебе ещё надо от меня!? Чего хочешь? Собаку сожрать? Меня убить? Ну, попробуй...»

Никто не откликнулся на вой Серого в эту ночь, как и прошлую. Некому. Неделю назад всю стаю, всех четырнадцать, положили городские охотники в заречном лесу... Серый давно одиночка, но держался вблизи стаи, кормился тем, что оставляли ему сородичи. После того, как в позапрошлую зиму сохатый копытом пробил ему грудь, он уже вовсе не мог охотиться, обходился падалью, пробовал мышковать...

Вдоль следа Волохов прошёл в лес... Не сразу вспомнил и понял, что лес этот и есть та самая «большая выгорода», в которой в то давнее лето он пас стадо. Он резко свернул, ушёл от старого следа. Наст хорошо держал, шлось легко. Лишь через несколько километров Чуя облаяла белку, которую Волохов взял разом – глаз у него зоркий и рука крепкая. Потом и вторую белку взяли, и третью...

И вечером, сидя у печного огня, он думал о том, что, конечно, это не тот волк... Просто, крупный старый волчара остался без стаи...

Вспоминалось давнее. Был он тогда просто Мишкой. Жил тут, вот в этом доме, с матерью и старшей сестрой. Отца он почти не помнил, тот рано умер, так и не оправившись от фронтовых ран. Голодно жили, потом получше, но всё равно тяжело... Сестра уехала учиться в город и больше уже не вернулась в деревню, мать ломилась на ферме. Он, как мог, помогал. Окончил среднюю школу и тоже пошёл в колхоз – разнорабочим.

Было ему в то лето восемнадцать. Запил колхозный «гуртоправ» (так писалось почему-то в документах, а попросту – пастух). Вот его, Мишку Волохова, и нарядил председатель: тебе, мол, это дело знакомо. Пастух Матвей Иванович жил в соседнем доме и, бывало, брал Мишку с собой подпаском.

В те дни неподалёку встал табор. Давно уж не бывало цыган в их краях – появились... Как-то днём в выгороду, огороженный забором кусок леса, где паслось стадо, приехал на лошади цыган...

И договорились они... Хорошие деньги цыган предложил. Мишка не отказался.

Мать из последних сил вкалывает, сестре в город отправляет – деньги, продукты. «Я всю жизнь в навозе, пусть хоть дочь по-человечьи поживёт», – говорит она. Мишке обидно – ему тоже хочется «по-человечьи». Но, нет, он не о себе, о матери думает (сам себя так уговаривал – помогу, мол, матери). А когда получил от цыгана деньги, так и не отдал ей, но и потратить не сумел, не придумал даже, на что потратить...

Так всё сделали цыгане, что все и поверили, будто двух коров волки задрали («обглоданные» кости были тому подтверждением). Только удивлялись, что летом.

Устроили местные охотники облаву. Нашли в округе три логова.

Мишка Волохов тоже в охоте участвовал – старая отцова одностволка в доме была. Он-то и выстрелил, когда метнулась из-под выворотня серая тень. Волчица с визгом закрутилась на траве, будто пытаясь укусить себя за хвост. И замерла.

В норе нашли четверых волчат...

Серый возвращался с охоты. В лесу было опасно. Запах человека (страшный для любого зверя) чувствовался везде. Уже несколько раз слышал Серый вдалеке гром выстрелов. Но надо было кормить волчицу и волчат – и своё волчье дело он совершил. Поймал и придавил зайца. В зубах нёс добычу к логову. И чем ближе – тем сильнее этот опасный человеческий запах. Он уже непереносим! И Серый ушёл бы, спрятался бы, если бы... Он оставил добычу в траве и осторожно пошёл к логову... Запах человека и запах крови, волчьей крови, оглушал.

Не было волчат, не было волчицы... Серый остался один.

Цыгана в райцентре на рынке с мясом взяли (всё-таки не поверил участковый и опытные охотники в волчье нападение). Цыган сразу и пастуха сдал, у которого купил колхозных коров. Дали Мишке Волохову пять лет.

С волками жить – по-волчьи выть: блатные волчьи повадки он крепко усвоил за те годы.

В ту зиму волки, собравшись в стаю, бродили вокруг деревни, сожрали почти всех дворняг. Люди опасались на лошадях за деревню ездить. Снова облаву устроили.

Ушёл за флажки только матёрый вожак. С тех пор волков у деревни долго не видели.

Через пять лет Волохов вернулся домой (решил всё-таки с волчьей жизнью завязать). Снова в колхоз устроился. Зимой поехал к дальним стогам... Вилами стожок в розвальни перекидал, верёвкой стянул, сам с боку прилачился. Понукнул лошадку. Темнело уже, но дорога была хорошо известна и ему, и лошади. Волков давно в округе повывели...

Волохов знал, что нападают они стаями... Этот был один – огромный серый хищник. Выскочив откуда-то сбоку, сразу нырнул под лошадь. И она пала, и потроха, вывалившиеся на снег, дымилась.

Волохов кинул в волка топор. Мимо. Взял наизготовку вилы. Волк стоял, смотрел безжалостными жёлтыми глазами. И вдруг закинул голову и завыл. Ему отозвались. И вскоре стая в десяток голов рвала на глазах Волохова мёртвую лошадь.

Он бежал по санной дороге двенадцать вёрст, оступаясь, падая, проваливаясь под наст... И в ушах стоял тот вой... И от боли и бессилия Волохов и сам выл...

Он уехал в город, там встретил лагерных приятелей, и закружила его опасная весёлая жизнь. Через год снова сел. Теперь уже на десять лет. От звонка до звонка отбыл.

Освободившись, в деревню уже не поехал (мать к тому времени умерла), но и с прежними друзьями-приятелями завязал. Первое время перебивался на разных работах – рыл канавы, разгружал вагоны. Не по нему это было. Но и работать на заводе, опять же «от звонка до звонка» - не хотел. Приятель позвал – и он устроился

работать в пожарную охрану, сутки через трое. А в свободные от дежурств дни стал ездить на охоту. Каждый год брал лицензию на лося (да случалось и без лицензии добывать), зимой – заяц, белка, куница...

Не женился, хотя «подруги» были. «Я одинокий волчара», - сам о себе говорил. С сестрой не дружил, редко виделись. В деревне тоже очень редко бывал...

Но когда сестра решила дом продавать (дом на неё был записан), купил у неё (родной дом купил!) Захотелось поближе быть к лесу и охоте...

Весной приехал – вспахал и засадил огород, летом подладил дом, осенью окончательно переехал (впрочем, однокомнатное логово за собой в городе оставил). С покупателем пушнины он давно уже был знаком, знал, что на жизнь себе заработает...

И снова этот вой. И Волохов застонал-завыл – от одиночества, от понимания, что жизнь его мимо... Мимо счастья... Мимо любви...

Он схватил ружьё, сунул в карманы патроны с пулями, вставляя на ходу патроны в стволы, выбежал. Собаку не стал звать, один пошёл за ограду и сразу увидел его – в лунном свете, подняв морду, воеет...

Волохов выстрелил, но волк даже не шевельнулся. «Ах ты... Ах ты...» Волохов подошёл ближе, прицелился, выстрелил... Волк вздрогнул, присел, но тут же поднялся и не быстро, прихрамывая, побежал к лесу. Волохов, вышвырнул горячие гильзы, вставил новые патроны и по насту пошёл за волком, по кровавому следу. Снова

выстрелил, увидел, как опять упал волк. Но поднялся и, вскинув морду, снова завыл... Волохов провалился по пояс, не стал выбираться на твёрдое, встал на колени, плот-

но вдавил приклад в плечо, поймал на мушку лобастую волчью голову...

Справа и слева обступали его неслышные серые тени...

